СКОРБНЫЙ ТРИУМФ

У штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского была большая семья: Михаил (1820—1864), Федор (1821—1881), Варвара (1822—1893), Андрей (1825—1897), Вера (1829—1896), Николай (1831—1883), Александра (1835—1889).

Самого талантливого — Федора, благодаря которому фамилия Достоевских осталась в веках, в семье не очень ценили, а удивлялись: как это бывший каторжник с незаметным мизерным чином отставного подпоручика, обычный литератор — не Лев Толстой, не Тургенев, не Тютчев — к семидесятым годам приобрел вес в обществе. Его приглашали в аристократические дома, на публичные чтения, восхищались, его «Дневник писателя» просматривали и министры, и сам государь. И жить стали Федя и Анна Григорьевна лучше, и с долгами расплатились, и дом в Старой Руссе приобрели.

Николай Михайлович писал жалостно брату Федору, чтобы тот выдал ему на жизнь пятерку или хотя трешку. И это повторялось почти каждую неделю.

Сестры выпрашивали протекции для своих взрослых детей и обижались, если Федор Михайлович уклонялся.

— Загордился, зазнался, плохой брат. А мы ведь, когда он в Сибири женился,—деньгами помогли.

Они не вспоминали, что эта помощь была нищенская, что Достоевский занимал деньги у товарищей-офицеров, что кое-что ему прислала тетка Куманина. Помогли барон Врангель и брат Михаил.

Пасынок Паша Исаев, имевший свою семью, тоже деликатно просил у своего «папы», как он его называл, денежной помощи.

Только архитектор Андрей Михайлович понимал значение брата, гордился родством с ним и оставил интересные дельные воспоминания о детских годах Федора.

Как зубная боль досаждали сестры. Они не любили Анну Григорьевну за то, что она расторяжается деньгами, что она отдаляет брата от них. А что пишет брат, что он — гордость России,—это их не затрагивало. Они не приехали даже на похороны брата Федора, да что там не приехали — они были косвенной причиной преждевременной смерти брата. Да, именно так, в официальных документах об этом не сказано, а знакомые об этом знали.

Сестры упросили Веру Михайловну, как самую близкую Достоевскому сестру, поехать в Петербург и взять у брата бумагу, что он отказывается в пользу сестер от своего земельного пая из наследства Куманиных.

Федор Михайлович всегда выделял Веру из всех других родственников. Покойный муж Веры — главный врач Лесного института — одно время лечил первую жену Достоевского Марью Дмитриевну, Федор Михайлович часто бывал на даче у Ивановых (такова их фамилия), ему нравились племянники, особенно Соня. Сестры надеялись, что Федя сразу по Верочкиной просьбе уступит им наследство.

Обязательно, ведь теперь он зарабатывает прилично. Анна Григорьевна издает и торгует его книгами, и они должны по-настоящему отказаться от земли.

Вера Михайловна приехала в Петербург. Грузная, с широким скуластым лицом, в теплой шубе, типичная провинциальная помещица. Встреча была радостная, даже Анна Григорьевна по-родственному расцеловалась с Верой Михайловной. Федор Михайлович был мил, улыбался, обед прошел весело, в воспоминаниях детства. После обеда подали кофе с пирожными.

— Ну и отлично, что приехала Верочка. Завтра наймем экипаж и поедем смотреть Питер, купим кое-что для племянников,— говорил Достоевский.

— Да я, собственно, к тебе, Федечка, по делу. Знаю, что ты не откажешь, человек ты добрый, знаменитость!

Правда, Вера Михайловна прочла немного из Достоевского, но сейчас выдавала себя за его поклонницу.

Анна Григорьевна, не желая мешать брату и сестре, осталась в столовой, а те прошли в кабинет. Там Вера безапелляционно сказала:

— Федя, завтра посетим нотариуса и ты запишешь на меня, Варю и Сашу свою часть наследства. Это твой долг. Вы сейчас обеспечены.

Федор Михайлович почувствовал, что что-то сжало его горло, защемило сердце.

— Не смогу, Верочка, пойми, не смогу. У тебя хоть Даровое есть, дети взрослые, а у меня малыши. Я небогат, моя голубушка, и бьюсь, как рыба об лед. Не смогу.

— Ты, Федор, тряпка, ты у Анны в рабском послушании, ты забыл, что мы твои родные сестры и помогли тебе, когда ты вышел с каторги. Нет! Поедем к нотариусу.

Сердце ныло, очень ныло, в глазах мелькали разноцветные огоньки. Он поднял руку, приложил к губам и рука окрасилась кровью. Кровоизлияние...

Анна Григорьевна немедленно послала за врачом фон Бретцелем, но до прихода врача ему стало легче. Он встал, шутил с детьми, показывал рисунки к рекламе юмористического журнала.

Пришел врач, ему сказали, что упала со стола ручка и закатилась за книжный шкаф. Писатель хотел достать ее, отодвинул немного шкаф и началось кровотечение...

При выстукивании доктором грудной клетки — новое кровотечение. Фон Бретцель предложил созвать врачебный консилиум.

Все остальное Анна Григорьевна воспринимала как страшный сон: врачи, испуг детей, друзья, заметка в «Новом времени» о болезни писателя. Разговор с метранпажем о типографских делах по выходу «Дневника писателя».

На другой день попросил жену раскрыть наугад евангелие. Раскрыла на словах Иисуса к Иоанну: «Не удерживай».

— Сегодня я умру.

Исполнил все религиозные обряды. Благословил детей, прощался с друзьями. Когда хотел кого-нибудь видеть, звонил в колокольчик (в виде гирьки, говорить ему запрещалось).

Было 28 января (9 февраля) 1881 года. Посетители у дверей квартиры. Вечер.

Над диваном, где лежал,— картина. С нее смотрела «Сикстинская мадонна». На божественный лик глядел Федор Михайлович, глядел с великой любовью и верою. Его грудь тяжело вздымалась. Он приоткрыл веки и все-таки видел мадонну. Присутствующим показалось, что это уже наступает смерть, дыхание прерывалось, и струйка крови сбегала на бороду. Было 8 часов 38 минут вечера.

Митрополит Исидор, чтивший Достоевского, послал к Анне Григорьевне иеромонаха, предложившего ей выбрать безвозмездно любое место в Александро-Невской лавре.

Анна Григорьевна с благодарностью согласилась и выбрала — рядом с могилой В. А. Жуковского.

В эти траурные дни вышел номер возобновившегося издания «Дневника писателя».

Торжественны были похороны Некрасова, но похороны Достоевского превзошли все.

— Великого художника хороним,— сказал Иван Николаевич Крамской друзьям,— великого! Посмотрите, сколько народа!

Действительно, к скромному дому на Кузнечном переулке шли тысячи людей, не десятки, а тысячи. Делегации с венками, юнкера инженерного училища в мундирах, у большого венка офицеры с шашками наголо, студенты университета во главе с ректором и профессорами, ученики Академии Художеств, студенты Духовной Академии, гимназисты, реалисты, слушательницы Высших женских курсов, служащие петербургских судебных учреждений, генералы, сановники, писатели и многие, многие другие шли под стройное пение «Вечная память!».

Благолепие несколько нарушил эпизод со студентами, несшими каторжные цепи,— символ «Мертвого дома». Жандармы их отобрали. Чтобы не нарушать торжественные минуты — студенты тотчас их отдали.

Казалось, что вся столица вышла в этот морозный день проводить своего великого сына, того сына, для которого святее и выше слова, чем «Россия», не было, который был убежден, что «Царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было».

В. ЖЕЛЕЗНЯК.
Рис. Н. Железняк.

„КРАСНЫЙ СЕВЕР"
г. Вологда
8 ФЕВ 1981